

ფოლკლორი და მხატვრული ტექსტი Folklore and Literary Text

Svetlana Ananyeva

Kazakhstan, Almaty

Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Dialogue of Cultures on the Great Silk Road

In modern cultural processes in the humanitarian sphere the concept of «border» is redefined, as it does not divide, but acts as a meeting place for one's own and another's. In this context, the Great Silk Road, connecting countries, peoples, civilizations, contributed to the development of the alien, the synthesis of different cultural traditions and artistic systems, the inclusion of the achievements of national cultures in the world.

The Central Asian region has been a cultural source of the Renaissance since ancient times. Freedom of thought prevailed in the teachings and works of Khayyam, Al-Farabi, Balasaguni and many outstanding figures of science and culture. In the mentality of the peoples, there is a trace of the great caravan routes and nomads. Maurice Simashko called the Great Silk Road «philosophy of life». The ideas of cultural distance and cultural transfer allowed prose writers and publicists to freely cross the boundaries between languages, cultural systems, traditions, and world civilizations.

Being at the crossroads of cultures, writers were included in the ongoing dialogue of civilizations in the context of the modern socio-cultural situation. The aesthetic orientation towards the synthesis of cultural influences and the dialogue of cultural traditions led them to artistic discoveries and the conviction that «starting from antiquity and the early Middle Ages, Roman and steppe, Turkic and Iranian, Arab and Chinese civilizations clashed in conflict on the territory of Central Asia.

At the same time, from a geopolitical point of view, this region has always been the subject of conquest as an “intermediate belt”, “buffer”, “middle” zone that would protect against direct contact» (Chingiz Aitmatov).

Key words: concept, memory, dialogue of cultures, M. Simashko, cultural traditions, the Central Asian region, Renaissance

С.В. Ананьева

Казахстан, Алматы

Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова

Диалог культур на Великом Шелковом пути

Концепт Великого Шелкового пути и его воссоздание в художественном тексте способствует установлению связи настоящего с минувшим и позволит сделать его неотъемлемой частью нашего духовного мира, так как Центральная Азия является «наиболее приемлемым типологическим пространством для осмысления новой парадигмы истории духовной эволюции общества» (Айтматов 1998).

О важности диалога культур на разных уровнях пишет В. Вегвари: «...В истории цивилизации идет постоянный диалог, укрепляющийся тогда, когда одна сторона способна говорить на языке другой, и сужающийся, если происходит какой-то конфликт, межкультурные диалоги обычно осуществляются на разных уровнях» (Вегвари 2010). Т. Владимирова предлагает рассматривать диалог культур с точки зрения языковой картины мира, языковой личности, являющейся одновременно наследником и творцом дискурса, языкового сознания и самосознания. Выполняя функции главного хранителя общего опыта, знаний, мыслей, ценностных представлений и переживаний, «сформировавшийся дискурс также дает определенную оценку как той действительности, которая находит в нем свое выражение, так и самой личности, унаследовавшей его идейно-духовные представления» (Владимирова 2010).

Народный писатель Казахстана М. Симашко в документальной повести «Великий шелковый путь или анабазис с иностранцами» высказывает свою точку зрения на проблему восточных и западных

культур и цивилизаций, совпадающую со взглядами Ч. Айтматова: «Начиная с античности и раннего средневековья, здесь (на территории Центральной Азии – С.А.) сталкивались в конфликтном противоборстве римская и степная, тюркская и иранская, арабская и китайская цивилизации. При этом с геополитической точки зрения этот регион всегда выступал предметом завоеваний как «промежуточный пояс», «буферная», «срединная» зона, которая предохраняла бы от непосредственного соприкосновения» (Симашко 1996).

История преподносит, порой, удивительные примеры. Акбар Великий из индийских моголов, потомок Бабур, неукоснительно исполнял религиозные праздники всех народов, входивших в его огромный султанат от верховьев Аму-Дарьи до Индийского океана. «Дин-и илахи» назвал он такое понимание Божьего присутствия в мире. Султан говорил, что человек, если на пути его встретится безразлично мечеть, синагога, церковь или иной божий храм, может заходить туда и молиться. Голос его одинаково будет услышан Богом. Нет Бога кроме Бога, и един он для всех. Ствол Ветхого Завета с его пророками и их деяниями прорастает в христианстве и исламе...» (Симашко 1996). В книге «Дорога на Святую Землю» важен мотив памяти. Трасса Великого Шелкового пути только открывалась для иностранцев и включала города Ташкент, Самарканд, Бухару и «в особых случаях Ашхабад, а рядом с ним Парфянская Ниса. Туркестан по-прежнему пребывал в зоне отчуждения, а Хива или древний Мерв представляли из себя и вовсе закрытую зону» (Симашко 1996). И все явственнее проявляется мотив памяти: «Еще работая там корреспондентом, наблюдал я огненные сполохи в полнеба где-то в направлении Устюрта. К тому же и по открытому для туризма пути для иностранных граждан предусматривалось летать только самолетами» (Симашко 1996).

Путешествуя со своими друзьями по Центральной Азии, так много давшей для его исторической прозы (темы, сюжеты, мифы, предания, легенды и т.д.), М. Симашко описывает древний Мерв, называвшийся в разные исторические эпохи то Маргиана – Александрия, то Маргиана – Антиохия. Из окна вагона виднелись сыпучие барханы величиной с десятиэтажный дом, которые порой обнажали «вытянувшиеся цепочкой верблюжьей и человеческие кос-

ти, бронзовую посуду и кипы слипшегося вещества, бывшего некогда шелком. Здесь же находили греческие вазы с рассказами об осаде Трои, китайские секстанты, арабские астролябии, золотые фигурки Будды, иудейские мезузы, несторианские кресты, шахматные доски и просто косточки – альчики для детской игры» (Симашко 1996). «Шах городов» древний Мерв «стоит» на серой, с невнятными очертаниями холмов равнине, утопающей в волнах сухого горячего моря.

Невообразимый, *кричащий* покой начинает беспокоить путешественника. Два эпитета, подобранные автором для описания тишины пустыни, настраивают на что-то противоречивое обычной человеческой логике. Далее у М. Симашко детальное описание пейзажа, сама медлительность описания начинает работать на ускорение «внутреннего» времени, времени переживания, поскольку все острее и яснее становится: надвигается что-то зловещее. Покой, тишина – ключевые слова в цитируемом отрывке. Повествование ведется от третьего лица, автор превращается в стороннего наблюдателя. «Он выходит из машины, приглядывается к срезу холма, отделяет ломкий, будто из пересохшей бумаги слой. И вдруг понимает, что у него в руке часть человеческого скелета: ребро с позвоночником или голень, сделавшиеся совсем невесомыми, но сохранившие в сухом каракумском песке свою форму. Весь этот холм и другие вокруг состоят из человеческого праха. Одни представляют собой сложенные друг на друга скелеты, другие выстроены из одних только черепов. Это все, что осталось от огромного города, раскинувшегося на многие десятки километров и восхищавшего путников своими дворцами, садами, караван-сараями, банями, библиотеками, богатством и приветливостью жителей» (Симашко 1996). Так история переплетается с современностью. «Человечество бредет в своей истории по колено в крови...», – приходит к выводу М. Симашко. Только красота вечна и неподвластна времени: «...и все парил там, не приближаясь и не отдаляясь, купольный прямоугольник мавзолея султана Санджара, последнего из Больших Сельджуков». Парят, возвышаются, возносятся творения рук человеческих и безграничного разума – мавзолеи, храмы, цитадели, обсерватории древних цивилизаций.

Создатель империи Сельджуков великий вазир Низам аль-Мульк ат-Туси за полтысячи лет до Макиавелли написал «Сиясет-наме» – книгу об управлении государством. Мост через древний Оксус, построенный в начале века в Мерве, был вторым по величине в мире в то время. Благодаря своим поистине энциклопедическим знаниям и умению воплощать эти знания в историческое повествование, М. Симашко создает не просто жанр путешествий. Его повествование философско-насыщенное, богатое параллелями, сравнениями разных исторических эпох. Империи старели и рушились под собственной тяжестью, на смену им являлись другие.

Смешение культур, архитектурных стилей – характерная черта памятников Евразии. «Начиная со времен Саманидов, строения приобрели здесь законченную форму, вобравшую основательность имперского Востока, индийскую солнечность и великую соразмерность средиземноморских традиций. Древний фигурный кирпич, замешанный на белке, схватился в монолит. И монголы не трогали чужих могил» (Симашко 1996). Еще пример. В парфянской Нисе были найдены знаменитые фигурные ритоны, крылатый сфинкс и парфянская Венера – явно греческой традиции, но с туранскими чертами. Взаимовлияние культур происходило постоянно.

Русский писатель Казахстана с горечью пишет в «Великой Хазарии» о трагической судьбе казахского народа в XX веке, поскольку продуманная система кочевых передвижений по Великой степи, скотоводческий цикл года, кстати, такой же способ хозяйствования применяли ковбои и гаучо Северной и Южной Америки, были нарушены с возникновением земледельческих оазисов.

Само месторасположение народов Центральной Азии на середине Великого Шелкового пути, начиная еще с сакских времен, имело неопределимое преимущество, так как они «получали непосредственный импульс от обеих цивилизаций, расположенных по краям великого континента. Было это задолго до Васко де Гамы и Магеллана». М. Симашко размышляет о глобальных подвижках человечества с Востока на Запад и с Запада на Восток, сравнивает их с чередующимися приливными и отливными волнами, происходящими с некоей регулярностью во все времена: «Ксенофонт или Ал. Македонский – в одну сторону, Атилла и Чингисхан – в другую».

Может быть этим и объясняется, что в «этом ареале произошла первая плавка железа, здесь одомашнили лошадь, а древняя сакская повозка о четырех колесах стоит ныне в запасниках Эрмитажа. Не говоря уже о мавзолее Ахмеда Яссави, величественных мазарах Улытау и мангистауских древностях, ординарная казахская юрта по своим инженерным расчетам и способу исполнения – высочайшее достижение цивилизации, не менее значительное, чем для иного климата и образа жизни изба-пятистенка» (Симашко 1996).

Воссоздавая свое путешествие с французскими друзьями по Центральной Азии, М. Симашко остается верен себе, наполняя документальную повесть «Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами» глубокими раздумьями о прошлом, об истории и роли Великого Шелкового пути, его достопримечательностях, о творениях духа и рук человеческих. Описывая Хорезмский оазис, автор размышляет о том, что чудеса света не обязательно должны быть огромными, как Родосский колосс или пирамиды. «Здесь это был небольшой по сравнению с другими куб усыпальницы Саманидов. Но великая соразмерность и отточенность линий, первородная, гениальная скупость средств выражения заставляли вспомнить, что именно тут рождались алгебра и поэзия дари. В нескольких шагах от выражающего Божью идею куба виднелась скромная, из четырех кирпичей курильница. Молящие записывали на бумажке свои пожелания и сжигали их, наблюдая, как растворяется в небе легкий дымок. Это был отблеск древних огней, когда маги возносили моления светилам. Ислам боролся с этим так же, как с памятными камнями и подвязанными к деревьям ленточками, пока по практической мудрости своей не принял их в свой канон. Этому совершенному творению духа и рук человеческих соответствует не умирающая в человеке идея добра» (Симашко 1996).

Великий Шелковый путь таит много загадок. В Бухару путешественники-французы добирались самолетом, «Интурист» не разрешал поездку поездом. Не все было открыто для иностранцев. Еще в военные годы, «за речкой, где стояла наша эскадрилья, виднелись полуразрушенные дувалы, сплелись ветки одичавших деревьев и винограда». В голодное военное время никто и не думал пробраться в заброшенные развалины, которые не были такими древними, как

остальные вокруг них. «По поверью, нельзя было селиться на том месте, где произошло великое смертоубийство, будь то землетрясение или дело рук человеческих. Плоды и злаки с этой проклятой земли нельзя употреблять в пищу» (Симашко 1996). Результат дела рук человеческих отпугивал угрожающим шипением: «в оставленном людьми селении жили змеи», видна была запыленная айва, золотые персики, тяжелые гроздья винограда. Автор не ссылается на источник: «Нам никто не рассказывал об этом, но мы знали». Подобные картины запустения видел и Авраам, главный герой романа «Маздак», путешествующий от Ктесифона до Самарканда и Константинополя.

Тема голодомора в документальной повести «Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами» раскрыта М. Симашко в конце XX века в связи с темой сплошной коллективизации и басмачеством. Писатель точно подбирает слова, расставляя акценты. Изменилась историческая эпоха, происходит переосмысление истории XX столетия. «В земельно-водную реформу, перешедшую в сплошную коллективизацию, началось то, что называлось басмачеством». Публицистика М. Симашко обращена к читателю думающему: «...началось то, что *называлось* басмачеством». Указан конкретный временной промежуток – два года. «И тогда была призвана Первая Конная армия, оставшаяся без дела. Она окружала мятежные центры, артиллерия била прямой наводкой, а оставшихся в живых брали в клинки без различия пола и возраста. За два года легендарная красная конница прошла по Великому Шелковому пути от Красноводска до Пишпека». Эпитет *легендарная* в данном контексте приобретает значение отнюдь не героическое. Память о красной коннице в народе жива. «И если показать тут на базаре буденновские усы, люди хватаются за нож. А вокруг мертвых селений на кустах и деревьях подвязывают белые ленточки в знак памяти» (Симашко 1996).

Лучшие в стране колхозы были на Великом Шелковом пути. Четкие контуры ухоженных полей, окаймленных полосками тутовника, видит автор повести из иллюминатора самолета. Историческое время начинает обратный отсчет. Хронотоп автора не совпадает с ним: «Ход жизни *потек* вспять». Время живое, оно течет, как вода в

реке. Писатель словно видит его ход, потому что «сам не раз разбирал дела, когда рабы – должники по деду или прадеду – участвовали в социалистическом соревновании, а их трудодни и, соответственно, золотые звезды приписывались их владельцу». О многом М. Симашко писал первым, художественно воссоздавая и переосмысливая трагическую историю столетия.

«Мотив (фр. *motif*, нем. *motiv* от лат. *moveo* – двигаю) – одна из кросс-уровневых единиц художественного текста, активно причастная его теме и концепции. Мотив рассматривается по-разному в рамках сравнительно-исторического литературоведения и теоретической поэтики авторского художественного текста. За последние десятилетия интерес к теоретическому потенциалу термина мотив заметно возрос: мотив творчества, фольклорный мотив, лирический мотив, мотивная структура» (Силантьев 2004).

Мотив пути в прозе М. Симашко включает концепт Велико-го Шелкового пути, чей переставший биться пульс (не так давно по историческим меркам) можно ощутить в Хиве. Автор-повествователь свободно перемещается во времени, из одной цивилизации в другую, ощущая их ритм и передавая его в своей прозе. Читатель перемещается вслед за автором и его друзьями из Франции по старинной Хиве. Время обозначается сочетаниями: «будто вчера», «тысячелетний шахтут», «дышало вечностью», «длительный путь», «другой *извечный* путь». «Будто вчера опустевший город состоял из огромных караван-сараяв, странноприимных домов, базарных площадей, из мечетей с еще не остывшими от человеческого тепла камнями. Из тысячелетнего железного шахтута, который растет только здесь, были сделаны громадные ворота, резные столбы и спрятанные в стенах двери» (Симашко 1996). Строили добротнo, с размахом, на века. Историческое время движется столь стремительно, что камни мечетей еще не остыли от человеческого тепла.

Все продумано в архитектуре. «Продуваемый через отдушины сухим ветром пустыни» караван-сарай поражает своими размерами: «...Он мог вместить не одну сотню верблюдов с поклажей. Здесь же располагались стойла для лошадей с коваными кольцами и яслями из того же шахтута, приспособления для разгрузки товара». Гостиница с чайханой, мастерские, аптека с лекарствами для людей

и животных, склады с запасами фуража и всего необходимого «для длительного пути через степи и пустыни. Тут все дышало вечностью». А в Ашхабаде, на приеме в Союзе писателей угощали виноградом «Ясман-Салык», вином «Эрик-Кала», «Безмеин», «Карабекаул». И это все были станции на Великом Шелковом пути.

Традиции на Востоке – великая вещь. Акбар Великий из индийских моголов, потомок Бабур, неукословно исполнял религиозные праздники всех народов, входивших в его огромный султанат от верховьев Аму-Дарьи до Индийского океана. «”Дин-и илахи” назвал он такое понимание Божьего присутствия в мире. Султан говорил, что человек, если на пути его встретится безразлично мечеть, синагога, церковь или иной божий храм, может заходить туда и молиться. Голос его одинаково будет услышан Богом. Нет Бога кроме Бога, и един Он для всех. Ствол Ветхого Завета с его пророками и их деяниями прорастает в христианстве и исламе...” (Симашко 1996).

В названии публицистической книги М. Симашко «Дорога на Святую землю» слово «дорога» является, несомненно, ключевым. В контексте метатекста (самосознание текста) М. Симашко определял главную, внутреннюю тему своей прозы – тему дороги, пути. Причем, это характеризует и его романы и повести, а не только публицистику. Что же касается жанров произведений, вошедших в последнюю книгу, то мы встречаем в ней документальную повесть и публицистические новеллы. «Путь» и «дорога» являются центральными в названиях произведений «Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами» (здесь дважды встречается слово «путь», поскольку «анабазис» в переводе с греческого языка – путь в глубь страны), «Великая Хазария», «Прообраз Евразии и искушения Президента», «Путь через экватор», «Дорога на Святую землю (Антисемиты и Божья Матерь)».

Современная феноменология восприятия актуализирует не только роль антропологического поворота, но и роль субъективного фактора – читателя. Произведение искусства предполагает бесконечный ряд возможных прочтений в соответствии с личной перспективой и читательскими предпочтениями. Диалог культур на Великом Шелковом пути продолжается...

Литература:

Айтматов 1998: Айтматов Ч. Единство и разнообразие культур. Доклад на Иссык-кульском форуме – 97 // Айтматов Ч. *Собрание сочинений* в 10 т. Т. 7. – М., 1998. С. 215-228.

Вегвари 2010: Вегвари В. Язык, культура и коммуникация в европейском межкультурном пространстве // *Язык и культура*. К юбилею профессора Э.Ф. Володарской /Под ред. член-корр. РАН Ю.Л. Воротникова; Российская академия лингвистических наук; Московский институт иностранных языков; Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. – Москва: Издательство Института иностранных языков, 2010. С.63-66.

Владимирова 2010: Владимирова Т.В. Диалог культур: пути, которые мы выбираем // *Язык и культура*. К юбилею профессора Э.Ф. Володарской /Под ред. член-корр. РАН Ю.Л. Воротникова; Российская академия лингвистических наук; Московский институт иностранных языков; Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. – Москва: Издательство Института иностранных языков, 2010. С.67-73.

Силантьев 2004: Силантьев И.В. *Поэтика мотива* / Отв. редактор член-корреспондент РАН Е.К. Ромодановская. Институт филологии Сибирского отделения РАН. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. 294 с.

Симашко 1996: Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами // Симашко М. *Дорога на Святую Землю*. – А.: ИД «Жибек жолы», 1996. С.5-58.

Симашко 1996: Симашко М. Великая Хазария // Симашко М. *Дорога на Святую Землю*. – А.: ИД «Жибек жолы», 1996. С.59-82.

Tamar Barbakadze

Georgia, Tbilisi

Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature

A Fairy Tale/Dream – a Source of Poetic Inspiration for Ioseb Grishashvili

One of the sources of Ioseb Grishashvili's poetic inspiration – a fairy tale/dream is a result of his fascination with Akaki Tsereteli's poetry, on the one hand and, on the other, his passion for Eastern and European literature.